

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Раин А.П.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
И ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ЗРЕЛИЩА ЕГО ВРЕМЕНИ.
СТРАСТЬ К ЗРЕЛИЩАМ
В ДРЕВНЕМ МИРЕ
И БОРЬБА С НЕЮ
ВСЕЛЕНСКОГО УЧИТЕЛЯ**

Христианское чтение, 1896, I, с. 171-193

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Св. Іоаннъ Златоустъ

и театральныя зрѣлища его времени.

ОДНИМЪ изъ самыхъ поразительныхъ признаковъ разложенія древняго міра было то, что онъ не столько жилъ дѣйствительною жизнью, которая уже потеряла для него свою прелесть, сколько жизнью искусственною, воображаемою, жизнью театральныхъ подмостковъ, гдѣ совершались или выводились событія, способныя своею необычностью или фантастичностью тѣшить или по крайней мѣрѣ раздражать притупѣвшіе нервы погрязавшаго въ чувственности человечества. И чѣмъ больше разлагался древній міръ въ его дѣйствительности, тѣмъ сильнѣе развивалась страсть къ театральнымъ или цирковымъ зрѣлищамъ, которыя наконецъ сдѣлались такою же насущною потребностью для народа, какъ и хлѣбъ. Недаромъ, праздныя толпы въ своихъ требованіяхъ къ правительству соединяли эти двѣ потребности какъ одинаково необходимыя и оглашали площади міроваго города криками: «хлѣба и зрѣлищ!» Театръ, т. е. міръ воображаемой жизни, сдѣлался насущною потребностью народа или вѣрнѣе сказать замѣнялъ собою дѣйствительную жизнь съ ея невзгодами и злоключеніями. Но и эта воображаемая жизнь на самомъ дѣлѣ была лишь воспроизведеніемъ той же самой жизни, какую велъ народъ въ дѣйствительности, но только она воспроизводилась въ такой усиленной степени, въ такихъ необычайныхъ сочетаніяхъ, которыя способны были раздражать чувственность и воспламенять страсть даже въ пресыщенныхъ натурахъ, и поэтому если дѣйствительная жизнь была переполнена всякою мерзостью, о которой не дѣтъ есть глаголати, то нечего говорить уже о театральной жизни, которая, какъ разсчитанная на возбужденіе потухающей страсти, дѣйствовала усиленными средствами и самый порокъ изображала на сценѣ такъ сказать въ героическихъ формахъ. Неудивительно поэтому, если отцы и учителя церкви со всей энергіей возставали противъ этой школы нравственнаго

развращенія и не переставали гремѣть угрозами страшнаго суда противъ тѣхъ христіанъ, которые, и омывшись въ банѣ возрожденія, продолжали посѣщать эти притоны нравственной мерзости. Однимъ изъ сильнѣйшихъ обличителей страсти къ театральнымъ зрѣлищамъ своего времени былъ св. Іоаннъ Златоустъ, и краткій очеркъ его отношеній къ этому предмету представитъ весьма интересную картинку нравовъ современнаго великому свителю общества.

Трудно сказать, какъ относился Іоаннъ къ театру еще до своего обращенія въ христіанство. Но что по самому положенію своего знатнаго рода онъ не могъ не находиться въ той или другой близости къ театру, это можно видѣть изъ того, что его благочестивая мать, послѣ своего вдовства посвятившая себя всецѣло воспитанію своего сиротки-сына, въ молодости несомнѣнно была знакома съ театральными представленіями, такъ что даже самый языкъ ея въ ея знаменитой рѣчи къ своему сыну ¹⁾ проникнутъ отчасти театральными терминами. Затѣмъ и самъ онъ во время обученія у Ливанія, этого восторженнаго поклонника классическихъ обычаевъ, конечно не могъ не посѣщать театровъ; а послѣ, когда сдѣлался адвокатомъ, то уже и самое положеніе въ свѣтѣ непременно требовало отъ него бывать тамъ, гдѣ собирался весь цвѣтъ золотой молодежи Антиохіи. И дѣйствительно въ одномъ мѣстѣ своего трактата «о священствѣ» онъ прямо говоритъ о себѣ, что онъ «гонялся за сценическими увеселеніями» ²⁾, какъ и все его сотоварищи по положенію. Поэтому если даже не предполагать, что онъ знакомился съ театральнымъ міромъ чрезъ чтеніе классическихъ произведеній древней драмы въ школѣ таковаго учителя, какъ Ливаній, то всетаки у него была полная возможность ознакомиться съ этимъ міромъ въ періодъ своихъ юношескихъ увлеченій, пока въ его жизни не произошелъ тотъ великій переворотъ, который сдѣлалъ его изъ раба страстей рабомъ Господа Іисуса Христа. Интересно теперь взглянуть на этотъ театральнй міръ, который способенъ былъ увлекать даже лучшихъ сыновъ древняго человѣчества.

Театральныя зрѣлища, какъ и вообще народныя увеселенія во всѣхъ пхъ видахъ, въ Антиохіи давались по большей частп, какъ и въ Римѣ, на счетъ главныхъ членовъ сената, пока они состояли въ этой важной правительственной должности.

1) О священствѣ, новое русск. изд. твор. св. Златоуста т. I стр. 397 и сл.

2) О священствѣ, тамъ же стр. 396.

Самыя представленія носили названіе «литургій», очевидно заимствованное изъ древней политической системы афинянъ. О нихъ часто говорится въ твореніяхъ Ливанія, дяди котораго сами исполняли эту своего рода общественную обязанность въ отношеніи своихъ согражданъ. А обязанность была довольно тяжелая и убыточная, потому что сиріане, издавна привыкнувъ къ грандіознымъ зрѣлищамъ, — были весьма требовательны и разборчивы на счётъ предлагаемыхъ имъ увеселеній, которыя поэтому всегда стоили весьма дорого. Большой спросъ на увеселенія естественно вызывалъ такое же предложеніе, и городъ кишѣлъ всевозможными лицедеями, шутами, музыкантами и наѣздниками, которые кормились отъ театра и среди которыхъ нерѣдко появлялись и «знаменитости», нарочито выписывавшіяся изъ Греціи или Рима. Въ самомъ Римѣ популярность разныхъ амфибажае ¹⁾ установилась уже давно, и изъ богатаго римскаго запаса ихъ еще Люцій Веръ препроводилъ партію въ Антиохію, гдѣ она и акклиматизировалась съ необычайнымъ успѣхомъ ²⁾. Зрѣлища, дававшіяся антиохійцамъ со стороны ихъ властей, были различныхъ родовъ. Сначала это былъ театръ въ собственномъ смыслѣ этого слова, хотя въ немъ уже и не давались древнія трагедіи и комедіи классическихъ временъ. На мѣсто ихъ выступили пантомимическія представленія, которыя пользовались особеннымъ успѣхомъ, и судя по нѣкоторымъ описаніямъ, дѣлаемымъ въ твореніяхъ Златоуста съ несомнѣнною точностью, греческій театръ въ его время находился почти въ томъ же самомъ положеніи, какъ и театръ латинскій, какимъ онъ былъ во времена имперіи, въ эпоху Ювенала или Марціала. Предметомъ представленій обыкновенно было хитроумно обставленное прелюбодѣянiе ³⁾, какъ въ извѣстной пантомимѣ, описанной Ювеналомъ, въ которой виновникъ прелюбодѣянiя, изображавшійся знаменитымъ лицедемъ Латинномъ, долженъ прятаться отъ гнѣва оскорбленнаго супруга въ сундукъ. Часто выводятся также личность Ступида, подвергающагося всевозможнымъ издѣвательствамъ и заушеніямъ ⁴⁾: эти пощечины были обычною принадлежностью пантомимическихъ представленій уже и во времена Цицерона. Очень часто также Златоустъ говоритъ о музыкѣ и

¹⁾ Сирійскія баядерки, которыя пѣснями и плясками добывали себѣ въ Римѣ пропитаніе.

²⁾ Mommsen, Roemische Geschichte V, p. 461.

³⁾ In Matth. VI — Quem toties textit perituri cista Latini. Juvenal. VI 44

⁴⁾ In Matth. XXXVII.

пѣсняхъ, какъ составлявшихъ принадлежность представленій, и эти пѣсни были переполнены прямыми намеками на амурныя похищенія мифическихъ героевъ и боговъ древности ¹⁾. Женскія роли въ этого рода представленіяхъ исполнялись чаще всего актрисами, которыхъ Златоустъ нерѣдко клеймитъ со всею безпощадностью своего сильнаго языка, изображая ихъ слишкомъ свободный костюмъ, нафабранныя лица, нахальные парики ²⁾, а иногда и мужчинами, что великому проповѣднику казалось еще болѣе соблазнительнымъ въ виду того, что эти развращенные мужчины исполняли свои женскія роли съ зазорнымъ правдоподобіемъ ³⁾. Кромѣ этого рода представленій были въ ходу также и всевозможные легкіе дивертисементы, въ которыхъ масса шутовъ, жонглеровъ, эквилибристовъ и паяцовъ всякаго рода своимъ кривляньемъ и прибаутками, всегда грязнаго свойства, рассчитаннаго на грубую чувственность толпы, тѣшили ея дикія страсти и усиливали процессъ совершавшагося разложенія древняго міра. — Не менѣе въ ходу были цирки, и конскія ристалища въ нихъ были однимъ изъ главнѣйшихъ развлеченій для народа какъ въ Антиохіи, такъ и по всей Сиріи. Таими ристалищами особенно славилась цирки въ городахъ Лаодикии, Беритѣ, Тирѣ, Кесаріи Палестинской, и изъ Лаодикии именно выходили наиболѣе знаменитые наѣзники, какъ изъ Тира и Берита лучшіе лицедеи, а изъ Кесаріи лучшіе танцоры ⁴⁾. Не довольствуясь тѣмъ, что можно было достать въ самой Сиріи, устроители ристалищъ въ такомъ богатомъ городѣ какъ Антиохія выписывали иногда принадлежности для ристалищъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ имперіи, и наприм. особаго рода колесницы (*квадриги*) привозились даже

¹⁾ На 1 посл. къ Фессал. V.

²⁾ Златоустъ заявляетъ, что онѣ иногда бывали совершенно нагими, или до крайней мѣрѣ почти нагими, что для теплаго востока было почти одно и то же. *О Давидѣ и Саулѣ* III и сл. Но были и въ полномъ смыслѣ нагія представленія такъ называемыхъ «плавательницъ», которыя въ полной наготѣ показывали свое искусство плаванія въ огромныхъ театральныхъ бассейнахъ, раздражая своими обнаженными прелестями тысячи безумныхъ театраловъ, неистовствовавшихъ при особенно удачныхъ кунштукахъ плавательницъ. Къ числу этихъ плавательницъ принадлежала и знаменитая Феодора, впоследствии сдѣлавшаяся императрицей, которая изображала въ театральныхъ бассейнахъ предъ тысячами зрителей невообразимыя сцены плотской глупости. *Рисор. Histor. sacr. c. IX, ed. Isambert.*

³⁾ На 1 къ Фессал. V.

⁴⁾ *Моттсен*, въ указ. мѣстѣ.

изъ Испаніи ¹⁾). Рядомъ съ этого рода представленіями давались иногда и гимнастическія игры, наподобіе древнихъ Олимпійскихъ, и такого рода именно увеселенія предлагались и дядями Ливанія. Съ другой стороны, не смотря на противодѣйствіе общественнаго мнѣнія въ его лучшихъ представителяхъ, не заброшены были совсѣмъ и болѣе жестокія представленія, какъ борьба дивныхъ звѣрей и даже бои гладиаторовъ. Этого рода развлеченія обыкновенно давались въ концѣ представлений, и на нихъ приглашались жители семнадцати городовъ Сиріи ²⁾). Константинополь въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ Антіохіи, и для характеристики театральныхъ увеселеній въ столицѣ можно развѣ прибавить еще одну подробность, сообщаемую жизнеописателемъ св. І. Златоуста Палладіемъ еленопольскимъ. Оказывается, что тамошніе театры не оставались равнодушными и къ богословскимъ спорамъ того времени и въ нихъ «раздавались соблазны Северіана Гавальскаго и Антіоха Аскалонскаго» ³⁾).

Пылікіе сиріяне, съ свойственнымъ имъ увлеченіемъ, привнесли въ эти различныя представленія крайнюю страстность, въ которой вѣроятно не отставали отъ нихъ и жители Константинополя. Такъ впрочемъ было и по всей имперіи, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и сцены, такъ ярко описываемыя Златоустомъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ описываются и въ твореніяхъ латинскихъ отцовъ. Въ Антіохіи дни представлений были днями всеобщаго возбужденія, и не только переполнялись всѣ сидѣнья въ самомъ циркѣ, но любители зрѣлищъ взбирались и на кровли соседнихъ домовъ, чтобы оттуда хоть издали насладиться всезахватывающимъ зрѣлищемъ ристалищъ. А этими любителями въ сущности были всѣ жители города: богатые и бѣдные, не только здоровые, но и немощные и больные ⁴⁾). Даже преклонные старцы стекались туда не съ меньшимъ увлеченіемъ, какъ и молодые люди ⁵⁾), Какова бы ни была погода, всѣ устремлялись на ристалища съ неудержимымъ рвеніемъ, и сидѣли на нихъ съ изуми-

¹⁾ Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ Симмахъ въ *Summates Antiochiensium*, Ep. IV, 62—3.

²⁾ На 1 посл. къ Коринѣ. XII; *Sievers*, *Leben des Libanius*, p. 5.

³⁾ Жизнеопис. VIII. Не ясно впрочемъ, сами ли зрители склонны были находить намеки на эти соблазны въ представляемыхъ піесахъ, или спорные вопросы трактовались въ самыхъ піесахъ. То и другое однако было бы въ духъ того времени.

⁴⁾ In *Aunam*. IV.

⁵⁾ *Vidi Dominum I.*

тельными терпѣніемъ, не смотря на то, что ристалища продолжались иногда не часъ и не два, а чуть не цѣлый день. Не останавливали любителей этого рода развлеченій ни дождь, ни зпмній холодъ и вѣтеръ, ни лѣтній зной, и несчастные рабы своей страсти скорѣе готовы были подвергаться всѣмъ неприятностямъ непогоды. чѣмъ искать себѣ убѣжища, какъ выразался Златоустъ своимъ картиннымъ языкомъ, «подъ прекрасной кровлей раззолоченной церкви, однаково прохладой лѣтомъ, какъ и теплою зимой» ¹⁾. И въ этой неразумной праздности погибалъ не одинъ только день, въ который происходили представленія; уже наканунѣ во всемъ городѣ только и было разговоровъ, какъ о предстоящихъ завтра ристалищахъ, которыми были заняты всѣ умы. Друзья и знакомые, сочлены обществъ, участники однихъ и тѣхъ же предпріятій уже съ вечера соваривались о томъ, какъ они отправятся на ристалища и гдѣ будутъ сидѣть, а на другой день уже съ самаго ранняго утра толпами спѣшили по направленію къ цирку, и пріѣтомъ вели самые оживленные, можно сказать восторженные разговоры и споры о тѣхъ лошадяхъ и наѣздникахъ, которые будутъ участвовать въ ристалищахъ, объ актерахъ и актрисахъ, о танцорахъ и танцовщицахъ, имена которыхъ были всѣмъ извѣстны наперечетъ и провозносилась съ тономъ особеннаго благоговѣнія. Посѣтители ристалищ до тонкостей знали, какъ это бываетъ и теперь съ любителями скачекъ, родословную состязающихся лошадей, и на основаніи ея строили свои шансы на выигрышъ ²⁾. Конечно не менѣе извѣстна была родословная, жизнь и поведеніе и актрисъ. о сомнительныхъ похожденіяхъ которыхъ чуть не вслухъ шушукались наслаждавшіеся ихъ игрой сосѣди по мѣстамъ ³⁾. Весьма популярны были и атлеты, принимавшіе участіе въ Олимпійскихъ играхъ, и къ нимъ общественное мнѣніе относилось даже почти-тѣльнѣе, чѣмъ къ обыкновеннымъ актерамъ, занятіе которыхъ всегда считалось унизительнымъ. Предъ открытіемъ игры соблюдалась извѣстнаго рода церемонія, унаслѣдованная отъ классической Греціи. Предъ началомъ гимнастическихъ состязаній герольдъ объявлялъ имена состязающихся и спрашивалъ у народа, не имѣлъ ли кто сказать чего-либо противъ кого-нибудь изъ нихъ. Сторонники всякаго борца производили надъ нимъ въ теченіе

¹⁾ In Joann. LVIII.

²⁾ In Prisc. et. Aqu. I

³⁾ Тамъ же.

ночи, предшествующей борьбѣ, самый неослабный надзоръ, чтобы воспрепятствовать ему предаться какому нибудь излишеству, способному ослабить шансы на успѣхъ, и съ этою цѣлю проводили вблизи его все непосредственно предшествующее время. Эти Олимпійскія игры происходили чрезъ каждые четыре года, въ пригородѣ Дафны, и Палладій сохранилъ разсказъ, свидѣтельствующій о томъ, какія массы народа стекались на нихъ. Во время заточенія св. Іоанна Златоуста, престарѣлый епископъ Флавіанъ скончался, и противники Златоуста, часть которыхъ успѣла распространиться по всемъ большимъ городамъ востока, порѣшили избрать на его мѣсто нѣкоего Порфирія, пользовавшагося довольно худой репутаціей. Но большинство народа было противъ этого выбора. Тогда они порѣшили обойтись безъ народа, неожиданно взяли своего кандидата и безпрепятственно провозгласили его епископомъ своего города, такъ какъ для этого избрали какъ разъ день Олимпійскихъ игръ, такъ что весь народъ ушелъ на игры и городъ почти весь опустѣлъ ¹⁾.

Необычайная популярность, какою пользовались личности, подвизавшіяся въ циркахъ и театрахъ, служить лучшимъ доказательствомъ той чрезвычайной важности, какую имѣли въ жизни тогдашняго времени игры и зрѣлища. Будучи баловнями общества, лицедѣи и всевозможные паяцы и наѣздники, не прочь были и злоупотреблять выгодною своего положенія. Они по большей части отличались крайнимъ нахальствомъ и безстыдствомъ, вели самую свободную и нестыдливую жизнь, часто намѣренно издѣваясь надъ законами, имѣвшими своею цѣлю ограниченіе ихъ безиравственныхъ выходокъ. Актрисы и танцовщицы тогда, какъ и теперь, были предметомъ страсти знатнѣйшихъ представителей города, и изъ нихъ именно выходили знаменитѣйшія куртизанки, такъ что на языкѣ Златоуста актриса и куртизанка было одно и то же. Всѣ онѣ задавались самыми широкими видами и претензіями, и если не всемъ удавалось, какъ удалось нѣсколько позже Феодоръ, достигнуть даже императорскаго престола, то многія свободно проникали въ знатные дома при посредствѣ браковъ, съ которыми напрасно боролся гражданскій законъ и которые съ крайнимъ негодованіемъ клеймилъ позоромъ Златоустъ. Нравы актеровъ были не лучше, и изъ среды ихъ именно выходили тѣ многочисленны юнцы, *μαλαχοί*, которые не менѣе пользовались успѣхомъ у сластолюбцевъ, какъ и женщины,

¹⁾ Діалогъ XVI.

и были истиннымъ позоромъ антиохійскаго общества. Танцовщицы и танцоры, комедіанты и комедіантки, приглашавшіеся къ столу богачей, присутствовали на пиршествахъ и при этомъ вели себя, какъ и всѣ паразиты, съ крайнею назойливостію. Дома наиболѣе извѣстныхъ лицедѣевъ отличались великолѣпнымъ убранствомъ ¹⁾; сами они изображали изъ себя важныхъ персонъ; по агору являлись не иначе, какъ на лошади, предшествуемые слугою. Назидники отличались также крайнимъ тщеславіемъ ²⁾ и имъ позволялось всякое безсмысленство. Если съ кѣмъ нибудь приключалось какое-нибудь несчастье, всѣ погружались въ неутѣшную скорбь. Такъ всѣ скорбѣли объ участи одного назидника, который раздавленъ былъ колесницами въ Константинополь въ первое время служенія тамъ І. Златоуста, по какому поводу онъ и произнесъ одну изъ прекраснѣйшихъ своихъ бесѣдъ въ 399 году. Назидникъ, сдѣлавшійся жертвой этого несчастья, на завтра собирался жениться, и это обстоятельство до глубины души потрясло чрезвычайно чувствительныхъ византійцевъ ³⁾.

Около персонажа актеровъ и назидниковъ, нравы которыхъ были такъ распущены, группировалась толпа еще болѣе жалкихъ и болѣе испорченныхъ существъ, именно ихъ паразитовъ, которые, какъ и паразиты, пресмыкавшіеся у богачей, вполне зависѣли отъ успѣха своихъ патроновъ и были усердными распространителями ихъ суетной популярности. Они составляли изъ себя, какъ въ церкви, такъ и въ театрѣ, въ полномъ смыслѣ организованную партію (клаку), всегда готовую на всякіе безпорядки, и благодаря имъ именно и происходили на сценѣ страстные партійныя раздѣленія, иногда приводившія прямо къ кровавымъ побоищамъ. Не имѣя ничего терять, эти беззащитные и на все готовые проходимцы, въ большинствѣ неизвѣстно откуда прибывшіе и совершенно чужіе городу, были самымъ мятежнымъ элементомъ въ составѣ жителей Антиохіи, этого мятежнѣйшаго изъ городовъ тогдашняго міра. Они были первыми зачинщиками всякихъ смутъ и бунтовъ, и по свидѣтельству св. Іоанна

¹⁾ На Цсал. СХІ.

²⁾ На 1 посл. Фесс. ХІ.

³⁾ Въ Газѣ, по сообщенію блаж. Іеронима, народъ къ своей страсти къ конскимъ ристалищамъ примѣшивалъ еще и страсти релігіозныя. Лошади одного богатаго язычника состязались съ лошадьми одного христіанина, и такъ какъ побѣда осталась за послѣднимъ, то суетвѣрный народъ увидѣвъ въ этомъ даже торжество Христа надъ Маріой и многіе обратились въ христіанство.

Златоуста были истинными виновниками и знаменитаго антиохійскаго мятежа 387 года: они именно находились во главѣ уличной черни, которая бросилась сначала въ церковь, чтобы просить заступничества епископа Флавіана, а потомъ испровергла статуи императорской фамиліи, подожгла домъ одного сенатора, но быстро разсѣялась при первой попыткѣ властей къ усмирению. И это свидѣтельство подтверждается тѣмъ, что говоритъ и Ливаній въ своей рѣчи противъ Тимократа: «Все это люди, говоритъ онъ, состоящіе изъ чужеземцевъ, которые изгнаны изъ своего отечества по причинѣ своего дурнаго поведенія и не желали заниматься ремесломъ, къ которому предназначались они своими родителями. Они не хотятъ и не могутъ жить иначе, какъ въ лѣности. Одни изъ нихъ и душой и тѣломъ предалися пантомимистамъ, большинство танцорамъ, и вся ихъ жизнь состоитъ въ рабодѣлствѣ и ласкательствѣ имъ, причемъ послѣдніе дѣлаютъ имъ тѣ пли другія подачки, смотря по усердію ихъ въ рукоплесканіи». Ливаній опредѣляетъ численность ихъ въ четыреста пли около того человекъ, и подобнымъ же образомъ говорятъ о нихъ опять и Златоустъ въ одной послѣдующей бесѣдѣ ¹⁾. Совершенно такую же толпу отчаянныхъ бездѣльняковъ описываетъ Амміанъ и въ Римѣ, говоря, что они всѣ дни проводили въ лѣности, а по ночамъ спали подъ навѣсами театровъ.

Неудивительно, если театръ со всеми его подобными жалкими прислужниками, разноснзшими ядъ нравственнаго тлѣна по всему обществу, возбуждалъ противъ себя негодованіе великихъ учителей христіанства. Но никто еще не велъ такой рѣшительной и неутомимой борьбы противъ этого всенароднаго зла въ IV вѣкѣ, какъ именно св. Іоаннъ Златоустъ. Уже съ самыхъ первыхъ годовъ своего служенія въ Антиохіи, онъ грозно сталъ обличать эту общественную язву, а въ Константинополь, этой великой столицѣ востока, быть можетъ еще болѣе развращенной, чѣмъ столица Сиріи, онъ еще болѣе усилилъ свою борьбу съ этимъ зломъ, хотя зло укоренилось уже настолько, что даже и пламенные слова Златоуста не производили должнаго дѣйствія. О силѣ его негодованія можно судить уже потому, что хотя онъ не любилъ вообще прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ и стремился скорѣе все побуждать любовію и исправлять спяскожденіемъ,

¹⁾ На Матѣ. XXXVII. Не нужно забывать, что какъ Златоустъ, такъ и Ливаній были заинтересованы въ томъ, чтобы оправдать гражданъ Антиохіи, уменьшить ихъ отвѣтственность за допущеніе этого страшнаго мятежа

однако когда рѣчь заходила о театральныхъ зрѣлищахъ, голосъ его возвышался до раскатовъ праведнаго гнѣва и онъ употреблялъ весь свой авторитетъ, поддерживая его угрозами страшнаго суда Божія. Будучи еще простымъ пресвитеромъ, онъ объявлялъ, что не преминетъ прибѣгнуть къ законамъ о церковной дисциплинѣ: «Я хотѣлъ бы знать имена тѣхъ, которые покинули церковь ради театра; я отлучилъ бы ихъ на время»¹⁾. А сдѣлавшись епископомъ, онъ и дѣйствительно однажды произнесъ торжественное надъ нѣкоторыми неисправными театрами отлученіе, исполняя свои неоднократно высказывавшіяся угрозы въ этомъ отношеніи.

Но если и вообще трудно бороться со страстями человѣческими, то еще труднѣе съ такою закоренѣлою страстью, какъ страсть къ театральнымъ увеселеніямъ, которыя въ періодъ разложенія древняго міра составляли единственную отраду для нравственно-растлѣннаго и заживо разлагавшагося человѣчества. Поэтому и борьба св. Іоанна Златоуста съ этимъ закоренѣлымъ зломъ не была успѣшной, причиняло ему множество хлопотъ и огорченій. Самыя его восторженные бесѣды противъ театральнаго представленія оставались безсильными пробудить чувство раскаянія у театраловъ, и послѣдніе не только не образумливались и не склонялись на увѣщанія своего пастыря, а нерѣдко, какъ въ Антиохіи, такъ и Константинополѣ, осмѣливались возражать златословесному учителю и подвергать его противъ-театральныя бесѣды насмѣшливой критикѣ. Когда проповѣдникъ обличалъ своихъ слушателей въ другихъ порокахъ и слабостяхъ, то они нерѣдко смирились, понуривали головы, на глазахъ ихъ появлялись слезы и они съ видомъ молящихся грѣшниковъ били себя въ грудь—пока впрочемъ находились еще въ церкви, по выходѣ изъ которой съ прежнимъ легкомысліемъ погружались въ ту же суету и порочность, и за веселыми ужинами съ куртизанками забывали о только что принесенномъ раскаяніи. Но обличительныя бесѣды противъ увлеченія зрѣлищами очевидно затрогивали ихъ наиболѣе застарѣлую рану и потому они даже не раскаявались, а смѣло вступали въ препирательство съ проповѣдникомъ, и на самыя горячія и краснорѣчивыя его увѣщанія отвѣчали или невниманіемъ или даже насмѣшливыми замѣчаніями, въ родѣ того: «Что за бѣда смотрѣть, какъ скачутъ лошади? Можно ли повѣрить, чтобы подобныя зрѣлища могли подвергать страшному осужденію»²⁾?

¹⁾ О Давидѣ и Саулѣ III; на кн. Бытія VI и сл.

²⁾ На Быт. VI.

Конечно драматическія представленія были болѣе соблазнительны въ нравственномъ отношеніи, потому что въ основѣ всѣхъ этихъ пантомимическихъ зрѣлищъ лежалъ какой-нибудь адюльтеръ или преступная любовь. Но въдѣ вредѣ, продолжали закоренѣлые театралы, приносить не сама драма или пантомима: достаточно быть человѣку съ твердой душой, и всѣ эти зрѣлища будутъ проноситься по поверхности его чувствъ, не проникая въ глубь его существа ¹⁾. Правда, туалетъ актрисъ и танцовщицъ немного не скромнень: если онѣ и не совсѣмъ голы, то почти таковы, и конечно этимъ несчастнымъ женщинамъ стоило не мало нравственной борьбы, чтобы покончить со всякою стыдливостью и дойти до такого положенія. Объ этомъ нельзя не сожалѣть, и однако же въдѣ въ концѣ концовъ это не болѣе какъ куртизаньи. А какое намъ дѣло до куртизанокъ и рабынь ²⁾? Наконецъ, если уже говорить все, эти зрѣлища признаны закономъ; они ставятся на счетъ государства или по крайней мѣрѣ лицъ, облеченныхъ правительственною властью; самыя зданія, въ которыхъ они происходятъ, составляютъ общественное достояніе; завѣдуютъ представленіями правительственные сановники и они именно подаютъ сигналы къ открытію зрѣлищъ; да во главѣ зрителей нерѣдко бываютъ сами императоры со всѣмъ своимъ дворомъ! Такимъ образомъ, театральныя представленія одобряетъ само государство, а государство знаетъ-де, что дѣлаетъ, и, поддерживая зрѣлища, не перестаетъ быть христіанскимъ, и не просто христіанскимъ, а со временъ Θεодосія и православнымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Такого рода полуироническія, полусерьезныя возраженія нерѣдко дѣлались св. Іоанну Златоусту на его обличенія, и онъ отвѣчалъ на нихъ доводами, въ которыхъ вполнѣ высказывалъ свой взглядъ на театральныя зрѣлища вообще и на современныя ему съ ихъ безнравственною распущенностью въ частности. И когда онъ разсуждаетъ вообще, то обнаруживаетъ тотъ здравый реализмъ, которымъ отличалась знаменитая антиохійская школа. Онъ врагъ вообще всякаго вымысла и предпочитаетъ ему дѣйствительную жизнь, которая для нормальнаго человѣка представляетъ неизсякаемый источникъ и удовольствія и назиданія. Оставлять эту дѣйствительную жизнь съ ея осязательными и здоровыми радостями и предаваться вымыслахъ театральной жизни, значить

¹⁾ На Матѣ. VI.

²⁾ На Матѣ. VI.

мѣнять дѣйствительное благо на призракъ, и если его современники такъ увлекались призраками, то одно это уже служило поразительнымъ свидѣтельствомъ упадка въ нихъ здраваго пониманія вещей, извращенія ихъ смысла, сдѣлавшагося рабомъ слѣпыхъ страстей. Но возставая вообще противъ предпочтенія дѣйствительности призракамъ и театральнымъ вымысламъ, Златоустъ особенно вооружался противъ увлеченія театромъ именно въ виду крайняго упадка самихъ театральныхъ зрѣлищъ, сдѣлавшихся школой всякой безнравственности и неприличія. И онъ съ поразительною картинностью описывалъ тѣ почти неизбежныя послѣдствія, къ какимъ приводило слѣпое увлеченіе театральными представленіями. Среди этихъ послѣдствій двумя главными, по его воззрѣнію, были: скука и разгулъ. Послѣ того, какъ зрители проведутъ нѣсколько часовъ въ области фантастическихъ вымысловъ, неудивительно если они, по возвращеніи къ міру дѣйствительному, чувствуютъ томительную скуку. Да и какъ можетъ этотъ дѣйствительный міръ возбуждать какое-нибудь удовольствіе для чувствъ, испорченныхъ и избалованныхъ наслажденіемъ необычайныхъ, искусственно созданныхъ зрѣлищъ фантастическаго, бьющаго на эффектъ міра? Понятно, что когда завзятые театралы возвращаются съ зрѣлищъ въ свой домъ, то онъ кажется имъ мрачнымъ и скучнымъ—хотя въ дѣйствительности для этого и нѣтъ достаточныхъ основаній¹⁾. «Твое жилище кажется тебѣ слишкомъ простымъ, чтобы нравиться, потому что своимъ духомъ ты все еще живешь среди блеска театральныхъ подмостковъ; твоя жена тебѣ уже не нравится, потому что она не красива и не такъ роскошно одѣта, какъ та актриса или танцовщица, которой ты только что рукоплескалъ. И вотъ на ту, которая не сопровождаетъ тебя въ театрѣ, ты и готовъ излить всю накипѣвшую у тебя въ сердцѣ досаду—на нее и на своихъ рабынь»²⁾. Нельзя не замѣтить, что по предположенію св. Іоанна Златоуста его слушатели болѣе увлекались наружностью лицъ дѣвѣвъ и великолѣпіемъ убранства, чѣмъ содержаніемъ самыхъ представленій и это вполне объясняется крайнимъ упадкомъ драматическаго искусства того времени. Отсюда слѣдуетъ также и то, что первое изъ двухъ гибельныхъ послѣдствій, указываемыхъ Златоустомъ, находится въ прямой связи со вторымъ: скука и раз-

¹⁾ ἀρτία: λόγος οὐκ ἔδωκεν. Его разсужденіе находится въ бесѣдѣ о зрѣлищахъ, произнесенной въ 399 году при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

²⁾ О Давидѣ и Саулѣ III

гуль неразлучны между собой. «Ты приносишь изъ театра соблазнительные образы, — образъ актрисы, почти обнаженной, глубоко остается запечатлѣннымъ въ твоей душѣ. Ты носишь въ себѣ даже и куртизанку, правда — не видимую и дѣйствительную, но въ воображеніи; но было бы даже лучше для тебя, если бы ты дѣйствительно привелъ съ собой куртизанку: опасность была бы меньше, ибо твоя жена быстро распорядилась бы выпроводить ее за двери; но этого сокрытаго въ твоемъ воспоминаніи образа, недоступнаго и неразрушимаго, не можешь изгнать ни ты самъ, ни твоя жена, и вотъ почему тебѣ уже не нравится у себя дома, почему ты не находишь никакого удовольствія у твоего домашняго очага, у твоихъ собственныхъ дѣтей, почему ты волнуешься и раздражаешься, безъ всякой видимой причины и сгораешь отъ внутренней горячки возбужденныхъ чувствъ» ¹⁾. Понятно, что театръ, служащій источникомъ такихъ золъ, вызываетъ противъ себя сильныя укоры и обличенія со стороны великаго свитителя, и онъ сравниваетъ его съ пиромъ, на которомъ блистала злойравная Иродіада. «Театръ есть постоянное пиршество Иродіады. Если и не убивается на немъ Юаннъ, то члены Христа терпятъ тамъ всевозможныя униженія... И ты терпишь этотъ позоръ: члены Христа дѣлаются какъ бы членами куртизанки. Хотя тамъ теперь и нѣтъ дочери Иродіадовой, зато тамъ присутствуетъ демонъ, который и совершаетъ тамъ свои пляски. Онъ именно руководитъ тамъ хорами, и онъ уводитъ въ пльнъ и души всѣхъ присутствующихъ тамъ» ²⁾.

Эти пламенныя, обличительныя рѣчи, въ которыхъ образы заимствовались прямо изъ извѣстныхъ всѣмъ зрѣлищъ, не смотря на свою рѣзкость, не могли производить впечатлѣнія на жителей Антиохіи. Они несомнѣнно не разъ награждали проповѣдника восторженными и шумными рукоплесканіями, но къ несчастію тѣмъ только и ограничивалось дѣло. Общественное зло было такъ велико, что законѣлые театралы не въ состояніи были излѣчиться отъ него и, даже сознавая всю истину словъ проповѣдника, по выходѣ изъ церкви вновь предавались своей страсти и въ театрѣ еще горячѣе и шумяще рукоплескали своимъ любимцамъ — изъ наѣздниковъ и лицедѣевъ. Мало того, возвратившись изъ театра въ церковь, они опять начинали подсмѣиваться надъ усиліями обличителя и насмѣшливо говорили, что его проповѣди —

¹⁾ Изъ бесѣды отъ 599 г

²⁾ На Матт. XLVIII.

старая пѣсня. Пусть даже театръ самъ по себѣ и негоденъ, но между театромъ и его посѣтителями громадная разница,—разсуждали они. Тамъ представляютъ сцены прелюбодѣвній, но это еще не значить, что бывающіе въ театрѣ сами прелюбодѣи. Но великій проповѣдникъ нравственности не умолкалъ и въ подтвержденіе своихъ словъ могъ бы привести цѣлый рядъ примѣровъ безнравственнаго вліянія зрѣлищъ на всѣмъ извѣстныхъ лицъ. Однако онъ воздерживался отъ указанія личностей, такъ какъ всячески избѣгалъ скандаловъ. Въ Антиохіи особенно онъ былъ чрезвычайно сдержанъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ зналъ, что чрезмѣрные личныя обличенія могли причинить болѣе вреда, чѣмъ пользы. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко расходится съ классическими сатиристами, съ которыми у него, въ другихъ отношеніяхъ, много общаго, именно въ самой картинности изображенія общественныхъ золъ. Но и не поименовывая никого лично, великій церковный ораторъ иногда просто въ упоръ бросалъ свои молніеносные взгляды въ лицо тѣмъ завосемъ театрамъ, которые тутъ аплодировали ему съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ и на зрѣлищахъ; но когда златословесный проповѣдникъ, бросая свои молніеносные взгляды на этихъ легкомысленныхъ людей, восклицалъ: «Какъ мнѣ хотѣлось бы назвать ихъ по имени!» то безъ сомнѣнія сердце въ нихъ упало и безстыдники невольно поникали головами, скрывая свои зардѣвшіеся краской стыда лица. Между тѣмъ оставались конечно и такіе, на которыхъ не дѣйствовали и эти всепроницающія слова, и св. Златоустъ читалъ ихъ упрямство и на ихъ искаженныхъ усмѣшкой устахъ и въ ихъ свѣтящихся проніей глазахъ. Тогда, доходя до крайнихъ предѣловъ возможныхъ уступокъ, онъ говорилъ: «Допустимъ даже, что ты выходишь изъ театра, не испытавъ никакого плотскаго вождѣвнія; допустимъ, что ты имѣешь достаточно самообладанія, чтобы ничего не бояться такого. Но можешь ли ты поручиться за ближняго? И если не можешь, то не виновенъ ли ты даже въ томъ, что поддерживаешь то, что причиняетъ гибель столькимъ душамъ»¹⁾? Но и эта уступка имъ сдѣлана только однажды, и скорѣе по формѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Онъ вполне зналъ немощи плоти. Поэтому онъ обыкновенно прямо заявлялъ, что возражавшіе ему въ этомъ родѣ дѣйствовали неискренно, что они и сами, подобно другимъ, чувствовали жало плотскихъ пожеланій и только старались казаться равнодушными. Однажды великій проповѣдникъ съ свойственно ему прямою

¹⁾ На Мате. XXXVII.

и неотразимую проницательностью рѣзко и смѣло обнажилъ это самоприкрывающееся лицемѣріе. Говоря о театральныхъ зрѣлищахъ, онъ началъ въ подробностяхъ и съ необычайною яркостью описывать непристойный туалетъ актрисъ, все свойственное имъ поведеніе, всѣ ихъ уловки и интриги, какими вообще отличались куртизанки того времени. Въ подробностяхъ описанія онъ заходилъ такъ далеко, что слушатели пришли въ немалое смущеніе: имъ казалось, что не священникъ проповѣдуетъ имъ, а бичуетъ общественные пороки какой-нибудь Ювеналъ въ своей 6-й сатирѣ, или скорѣе популярный въ Сиріи Лукіанъ въ его «Диалогахъ о куртизанкахъ». Но въ дѣйствительности это былъ все тотъ же златословесный учитель, который не говорилъ ни одного слова безъ ближайшаго нравственнаго приложенія и не давалъ волю своему языку увлекаться бесплоднымъ воображеніемъ. Самая смѣлость его описаній имѣла опредѣленную цѣль, такъ сказать захватить слушателей на самомъ мѣстѣ преступленія. И вотъ, когда его слушатели, удивленные необычною прямою и яркостью изображенія слишкомъ извѣстныхъ имъ театральныхъ сценъ, иные съ смущеніемъ, а другіе и не безъ внутренняго услажденія этими чувственными картинами, всѣ обратились въ слухъ и жадно хватали всякое слово и всякую мысль, Златоустъ сразу прервалъ свое описаніе и воскликнулъ: «Не почувствовали ли вы чего-нибудь, когда я говорилъ такъ?—Но не краснѣйте и не стыдитесь, потому что этого требуетъ необходимость природы. Но если вы даже слушая меня, священника, здѣсь въ церкви, не могли овладѣть собою, то возможно ли это въ театрѣ? Посмѣете ли вы теперь сказать мнѣ, что вы остаетесь тамъ холодными какъ мраморъ»¹⁾ Едва ли еще когда какой проповѣдникъ прибѣгалъ къ такимъ смѣлымъ оборотамъ рѣчи, какъ именно св. Іоаннъ Златоустъ. А вотъ примѣръ, показывающій, насколько Златоустъ къ своимъ рѣчамъ нерѣдко удоболялся восторженному и пламенному краснорѣчію древнихъ пророковъ. Въ ихъ именно школѣ онъ научился той свободѣ и нестѣсненности языка, который находилъ себѣ ограниченіе лишь въ возвышенности цѣли проповѣди, придававшей возвышенность и благородство самымъ рѣчамъ, о какомъ бы предметѣ ни трактовалось въ нихъ. Языкъ его какъ обоюдоострый мечъ разсѣкалъ всякую броню лицемѣрія, которою хотѣли прикрыться отъ обличеній проповѣдника, и подъ его неотразимыми ударами наконецъ не выдерживали самые упорные

¹⁾ Ἄρα οὐκ ἐπᾶθετε τι καὶ ἐρῶν ταῦτα διηγουμένου; Ἀλλὰ μὴ ἀισχυοῦσθε ἑρῶν ἐρωδῶσαρτε· ἡ γὰρ τῆς φύσεως ἀναγκὴ τοῦτο ἀπαιτεῖ. . и ср. на Іоанна X\ III

и сознавались въ своей слабости, по крайней мѣрѣ передъ своею совѣстью, зажигавшей краску стыда и на ихъ истощенныхъ излещенными лицами.

Но потерпѣвъ пораженіе при защитѣ собственной невинности театральныхъ зрѣлищъ, противники Златоуста думали выстоять на другой почвѣ, именно при защитѣ конскихъ ристалищъ въ циркѣ и Олимпійскихъ игръ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ эти развлеченія не были совершенно невинными по сравненію съ театральными? А между тѣмъ вдохновенный проповѣдникъ съ одинаковою строгостью ратовалъ и противъ цирковыхъ развлеченій, хотя и мало касался Олимпійскихъ игръ, которыя очевидно и по его мнѣнію не представляли чего-нибудь особенно предосудительнаго ¹⁾. Но какими побужденіями онъ руководился, возставая противъ цирковыхъ ристалищъ? Побужденій было не мало. Прежде всего онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи уже сравнительно давнему преданію церкви, которая, въ своемъ стремленіи всецѣло возродить міръ, старалась отдѣлать своихъ послѣдователей отъ всякаго соучастія съ языческимъ міромъ и поэтому вообще запрещала всякія зрѣлища, какъ имѣвшія изысканное происхожденіе и потому отзывавшіяся всего рода идолопоклонствомъ. Затѣмъ онъ привнималъ во вниманіе тѣ постоянныя смуты, причиною которыхъ то и дѣло бывали ристалища, такъ какъ наѣзники и зрители дѣлились на партіи, и хотя эти партіи еще не играли такой политической роли, какъ впоследствии, однако уже не были безопасными и тогда. Наконецъ онъ очень хорошо видѣлъ, что въ этихъ сборищахъ, въ циркѣ ли то, или въ театрѣ, увеличивались тѣ искушенія, которыми отличалось напримѣръ время Овидія. Въдѣ совершенно безвредно, говорили ему защитники цирковъ, смотрѣть, какъ скачутъ лошади; поэтому было бы неразумно дѣлать изъ этого преступленіе. — Пусть будетъ такъ. отвѣчалъ онъ на эти довольно лицемѣрныя реплики завсегдатаевъ цирка; но въдѣ циркъ обыкновенно бываетъ переполненъ публичными женщинами, молодыми блудницами, и потому это такое же мѣсто нравственнаго развращенія, какъ и театръ. И дѣйствительно, было совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ, что цирки становились обычнымъ мѣстомъ свиданій всѣхъ тѣхъ, у кого не было никакихъ другихъ дѣлъ, кромѣ самоуслажденія плоти, и изъ

¹⁾ Однажды только онъ говоритъ (именно въ XII бесѣдѣ на 1 посл. къ Кор.) и о борьбѣ дикихъ звѣрей.—быть можетъ потому, что такія зрѣлища не были особенно въ ходу въ Антиохіи и наврогивъ были особенно развиты въ Римѣ.

другихъ свидѣтельствъ извѣстно, что въ античныхъ городахъ тѣ кварталы, въ которыхъ помѣщались церкви, отличались самою худою славою. Такъ въ Римѣ все наиболѣе сомнительное въ нравственномъ отношеніи населеніе обитало вокругъ Большого цирка, и очень возможно, что въ Антиохіи было совершенно то же, что и въ Римѣ, тѣмъ болѣе, что и въ самой столицѣ западнаго міра, какъ это можно видѣть изъ свидѣтельствъ Ювенала и Марціала, большинство извѣстнѣйшихъ куртизанокъ — наѣздницъ—*ambubajae*—были родомъ изъ Сиріи. Наконецъ у Златоуста было и еще одно весьма важное побужденіе безпощадно и строго возставать противъ всякихъ вообще зрѣлищъ—въ циркѣ ли то, или въ театрѣ, и это побужденіе состояло въ наблюденіи того несомнѣннаго факта, что эти увеселенія отвлекали народъ отъ церкви, заставляли его забывать о спасеніи своей души и предаваться лишь угожденію плоти, потемняли въ ихъ душахъ самое сознаніе своихъ христіанскихъ обязанностей и возвращали ихъ въ нѣкоторомъ смыслѣ въ язычество. Зло было такъ велико, что пастыри церкви уже давно принимали мѣры къ его ограниченію и даже находили нужнымъ прибѣгать къ содѣйствию гражданской власти. Имъ хотѣлось по крайней мѣрѣ спасти воскресный день отъ оскверненія подобными зрѣлищами и ристалищами и въ 386 году дѣйствительно былъ изданъ законъ, который гласилъ: «Никто да не нарушаетъ нашего нѣкогда даннаго нами закона, никто да не предлагаетъ народу зрѣлища въ день солнца и божественное поклоненіе да не смѣшиваетъ съ устроеннымъ празднествомъ» ¹⁾. Изъ самаго текста видно, что это былъ уже не первый законъ по этому предмету (самое выраженіе *нѣкогда*—*dudum* указываетъ на это), и быть можетъ починъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ уже Константину Великому ²⁾. Но нужно сказать, что эти предписанія, какъ это было и съ другими законами IV вѣка, соблюдались довольно плохо, и даже по какой-то роковой случайности игры и наиболѣе крупныя театральныя и цирковыя зрѣлища обыкновенно совпадали съ важнѣйшими церковными празднествами и собраніями. Игры устраивались не только по воскреснымъ днямъ, но и въ такіе важные церковные моменты, какъ Великій постъ или Пасха ³⁾. Златоусту пришлось это испытать при самомъ началѣ

¹⁾ Ne quis in legem nostram, quam dudum tulimus, committat, nullus solis die populo spectaculum praebeat, nec divinam venerationem confecta solenitate confundat.

²⁾ См. у Исаандера I, 179.

³⁾ Законы Аркадія и Гоноріа изданными въ Равеннѣ въ началѣ 400 года,

своей проповѣднической дѣятельности въ Антиохіи. Онъ началъ рядъ бесѣдъ противъ тогдашнихъ еретиковъ аномеевъ, послѣдователей Арія, и бесѣды имѣли большой успѣхъ, какъ вдругъ, когда онъ выступилъ для произнесенія седьмой бесѣды, онъ замѣтилъ, что число слушателей его какъ-то сразу сильно уменьшилось. «Опять конскія скачки!» — невольно вырвалось у него изъ груди въ самомъ началѣ бесѣды ¹⁾. Нѣсколько позже, въ той же Антиохіи, онъ приступилъ въ началѣ Великаго поста къ истолковательнымъ бесѣдамъ на книгу Бытія и, какъ и всегда, на первыхъ бесѣдахъ было множество народа. При всякой бесѣдѣ онъ выражалъ удовольствіе, видя такую ревность къ его поученіямъ со стороны слушателей, и въ пятой бесѣдѣ онъ даже съ особенною выразительностью высказалъ свою радость о духовномъ преуспѣяніи своихъ слушателей. Но вотъ когда онъ явился съ шестой бесѣдой, то наступило неожиданное разочарованіе: какъ разъ въ это время устроены были великолѣпныя конскія скачки, и легкомысленный народъ массами устремился на нихъ, забывъ о своемъ златословесномъ проповѣдникѣ. Тогда Златоустъ излилъ свое праведное негодованіе въ самыхъ гнѣвныхъ словахъ противъ нечестивцевъ, предпочевшихъ конскія ристалища душевному просвѣщенію и спасенію, но въ слѣдующей же седьмой бесѣдѣ, добросердечный пастырь, какъ бы самъ устыдившись своей чрезмѣрной суровости, старался загладить свои рѣзкости и залѣчить нанесенныя имъ своимъ легкомысленнымъ слушателямъ раны бальзамомъ милости и ласки. Такихъ примѣровъ было множество, но достаточно привести еще одинъ, но весьма важный. Беремъ его изъ той бесѣды св. Іоанна, гдѣ онъ представляетъ особенно наглядныя доказательства того, насколько народъ увлекался театральными зрѣлищами и съ какою ревностью великій проповѣдникъ старался бороться съ этою пагубною страстью. Эта бесѣда, произнесена была въ 399 году въ Константинополѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Св. І. Златоустъ уже въ теченіе года занималъ архіепископскую кафедру столицы имперіи (съ 26 февраля 398 г.) и по

запрещались зрѣлища въ теченіе страстной недѣли, предшествующей пасхѣ равно какъ и недѣли, слѣдующей за праздникомъ Рождества и Богоявленія. Тѣ же императоры въ 399 году тоже самое запрещеніе ограничивали только воскреснымъ днемъ, притомъ исключая даже тѣ воскресные дни, съ которыми могли совпадать годовщины царствованія императоровъ (С Theodos. II, VII, 23—24).

¹⁾ Противъ аномеевъ VII, въ нов. русскомъ изд. т. I, стр. 545

обычаю продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, какъ это дѣлалъ и въ Антиохіи, еще только болѣе усиливъ свою ревность въ этомъ отношеніи—подъ вліяніемъ чувства своего высшаго авторитета и связанной съ нимъ великой отвѣтственности. Страну въ это время постигло бѣдствіе: начала свирѣпствовать дождевая буря, которая угрожала совершенно уничтожить жатву, и въ предотвращеніе угрожающаго бѣдствія положено было совершить крестные ходы въ честь св. апп. Андрея и Петра и торжественное богослуженіе въ церкви Апостоловъ. Затѣмъ совершенно было паоминчество въ церковь свв. апостоловъ Петра и Павла. Это было въ среду, а въ четвергъ грозовая буря стихла и такимъ образомъ моленія архіепископа и народа были услышаны. Но вотъ уже на слѣдующій день, въ пятницу, давались конскія скачки, и всѣ устремились на нихъ. Въ субботу давались театральныя зрѣлища, и народъ безъ малѣйшаго смущенія бросился и на это увеселеніе. Можно представить себѣ, какъ долженъ былъ чувствовать себя великій святитель при видѣ такого безграничнаго легкомыслія своей паствы, обнаруженнаго ею за эти дни. Вынужденный таить свое праведное негодованіе въ своей груди въ теченіе сорока восьми часовъ, которые конечно должны были казаться ему цѣлыми вѣками, онъ въ воскресенье является на амвоны и грозно восклицаетъ: «Можно ли это снести, можно ли это стерпеть! Послѣ столькихъ-то рѣчей, послѣ столькаго-то назиданія оказались среди насъ такіе вѣрующіе, которые могли оставить насъ, и побѣжали смотрѣть на конскія ристалища! И они произвели такіе беспорядки, что по всему городу раздавались ихъ крики. слышалось ихъ смѣшное или вѣрнѣе плачевное смятеніе! А я самъ находился дома и слышалъ эти произительные голоса! И я страдалъ больше, чѣмъ мореплаватель, бросаемый бурей!» Затѣмъ онъ объясняетъ имъ, насколько ничтожна и бесполезна такая вещь, какъ созерцаніе скачекъ, показываетъ тѣ роковыя соблазны, которые неразлучны съ театральными представленіями, и его рѣчь получаетъ необыкновенную смѣлость и восторженную грозность пророка. Подъ неотразимыми ударами этого грознаго краснорѣчія (и нужно сказать, что эта бесѣда принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ и восторженнѣйшихъ бесѣдъ Златоуста) слушатели расторогались до глубины души и смѣренно каялись. Обыкновенно Златоустъ въ такихъ случаяхъ смягчалъ свой гнѣвъ, чувствовалъ сожалѣніе къ несчастнымъ грѣшникамъ и находилъ утѣшеніе въ ихъ раскаяніи. Теперь было не такъ. «Теперь, говорилъ онъ не безъ примѣси ѣдкой ироніи, во время

моей бесѣды нѣкоторыя изъ васъ, какъ я вижу, колотятъ себя въ грудь, и я благодарю ихъ за то, что они оказываются народомъ, столь легко поддающимся чувству. Но къ несчастію мнѣ думается, что многіе изъ дѣлающихъ это вовсе не изъ среды виновныхъ, а это просто люди доброй души, оилакивающіе прегрѣшенія своихъ собратьевъ». И онъ дѣйствительно поощряетъ благочестивыхъ людей употребить все свое вліяніе на своихъ друзей и знакомыхъ, чтобъ привести ихъ къ раскаянію. Свою бесѣду онъ заканчиваетъ такими же страшными угрозами, какими и началъ: угрожалъ отлученіемъ всякому, кто опять вздумалъ бы промѣнить церковное собраніе на театральное зрѣлище. Онъ произнесъ даже и самую формулу отлученія: «Да изгнаны будутъ отсель эти люди!» но замѣтивъ, что это восклицаніе произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе, онъ продолжалъ: «Если же вы затрепетали отъ этого приговора (ибо я вижу, что вы вздыхаете и исполнены сокрушенія), то пусть виновные раскаются и приговоръ будетъ отмѣненъ. Если нѣтъ, то не посящайте виновныхъ. *Не сообщайтесь съ ними* (2 Фесс. III, 14). Не говорите съ ними, не принимайте ихъ за свой столъ, избѣгайте ихъ на площади рынка, и тогда мы исправимъ ихъ»¹⁾.

Интересно было бы рѣшить вопросъ, насколько далеко шло отрицательное отношеніе св. Іоанна къ зрѣлищамъ вообще. Хотя это страшное увлеченіе театральными и цирковыми зрѣлищами, какимъ отличалось его время, было явнымъ признакомъ разложенія древняго міра, искавшаго себѣ замѣны неприглядной дѣйствительности въ области фантазіи и возбужденнаго воображенія, но вѣдь нельзя отрицать въ то же время и того, что во-

¹⁾ Съ однимъ пунктомъ этого дѣла связывается нѣкоторая пеленность. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ бесѣды, можно думать, что она произнесена во время страстной седмицы; следовательно, цирковыя и театральныя представленія, по этому предположенію, должны были происходить въ пятницу и субботу на страстной недѣль, и отсюда само собой видно, какъ тяжело было преступленіе тѣхъ христіанъ, которые пошли на эти представленія. Но Монфоконъ видитъ въ этомъ объясненіи нѣкоторыя затрудненія, главное изъ которыхъ состоитъ въ томъ, что св. Іоаннъ, въ своей бесѣдѣ, произнесенной, если разсуждать такъ, въ самое свѣтлое Воскресеніе (въ первый день Пасхи), не дѣлаетъ никакого намека на торжественность столь великаго дня. Однако этотъ аргументъ не неотразимъ, и во всякомъ случаѣ намеки въ бесѣдѣ на великую пятницу довольно ясны. Къ этому впрочемъ можно прибавить, что пасхолько намъ извѣстно о нравахъ того времени, можно думать, что многіе изъ христіанъ не прочь были идти въ театръ и циркъ даже и въ страстную пятницу, въ день страстей Господнихъ.

ображеніе также имѣть свои права и человекъ по самой своей психической природѣ неизбежно ищетъ возможности найти успокоеніе и даже возвышеніе надъ сѣбою дѣйствительностью въ области идеала, который и создаетъ ему воображеніе. Поэтому-то было бы невозможно предполагать, чтобы проповѣдательный нравоучитель не отводилъ никакого мѣста правамъ воображенія въ человѣческой жизни. И дѣйствительно многіе отцы и учителя церкви признавали за нимъ эти права, и это именно повело къ тому, что сама церковь допустила широкое примѣненіе искусства въ своемъ богослуженіи—въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія неземныхъ предметовъ и воплощенія своихъ молений и славословій въ поэтическія формы пѣснопѣнія. Самыя литургии, уже совсѣмъ сложившіяся къ IV вѣку, представляли собою съ вѣншей стороны своего рода художественныя произведенія въ смыслѣ воплощенія глубокой мысли или тайны благодѣстія въ правильно проведенной формѣ дѣйствія, а на западѣ были и прямо дѣлаемы попытки противодѣйствовать театральнымъ увлеченіямъ чрезъ перенесеніе театральности въ самую церковь, съ придачей конечно этимъ зрѣлищамъ соответствующаго церковности содержанія. Зародышъ этой мысли можно находить даже у Тертулліана. Хотя онъ въ своемъ «разсужденіи о зрѣлищахъ» съ свойственнымъ ему ригоризмомъ становится совсѣмъ на почву отрицанія по отношенію къ зрѣлищамъ, однако и онъ не могъ не признать нѣкоторыхъ правъ за воображеніемъ, какъ одною изъ неискоренимыхъ способностей человѣческой души, и потому, какъ бы сознавая въ невозможности окончательно побороть эту наклонность, совѣтовалъ христіанамъ, любившимъ усаживаться театральными представленіями и зрѣлищами, чтобы они лучше устремляли свою мысль на то страшное зрѣлище, какое будетъ представлять собою страшный судъ, картинно при этомъ описываемый Тертулліаномъ. Равнымъ образомъ тѣмъ, кто любятъ смотрѣть на бои гладиаторовъ, онъ совѣтуетъ повнимательнѣе всматриваться внутрь себя и созерцать ту ужасную борьбу страстей, которая происходитъ въ насъ. И эти совѣты не лишены были практическихъ результатовъ и нашли себѣ дальнѣйшее развитіе. Не безъ вѣроятности предполагаютъ, что именно въ «разсужденіи о зрѣлищахъ» поэтъ Пруденцій очеркнулъ первую мысль для составленія своей «Психомачіи». — Поэмы довольно посредственной по замыслу, хотя и написанной съ талантомъ, но имѣющей глубочайшую историческую важность, такъ какъ она послужила плодотворнымъ зерномъ для цѣлаго рода

средневѣковой аллегорической поэзіи и имѣла сильное вліяніе на искусство своего времени. Интересно замѣтить, что и св. Златоустъ, современникъ Пруденція, даетъ почти тѣ же совѣты, какъ и Тертуліанъ. Онъ желаетъ также, чтобы зрѣлища цирка были замѣнены внутреннимъ созерцаніемъ боренія души. «Если вы хотите видѣть ристалища, говорить онъ жителямъ столицы въ указанной выше бесѣдѣ, то почему бы вамъ не подвѣсть вашихъ страстей подъ ярмо любомудрія и не попытаться управлять ими разумомъ»¹⁾? Но вмѣстѣ съ тѣмъ у св. Іоанна даются въ отношеніи зрѣлищъ весьма серьезныя и практическія совѣты. Такъ онъ иногда любилъ приводить въ назиданіе извѣстный примѣръ варваровъ, которымъ позже съ такою силою пользовался Сальвианъ, но которымъ еще рѣдко пользовались отцы и учителя церкви IV вѣка. У варваровъ не было общественныхъ игръ «Какое же извиненіе будемъ имѣть мы, когда, будучи христианами, т. е. гражданами неба и сообщниками ангеловъ и херувимовъ, мы не настолько въ этомъ отношеніи подчиняемся правиламъ, насколько язычники и невѣрныя»? Въ подтвержденіе ненормальности этого онъ затѣмъ приводитъ замѣчаніе одного вождя варваровъ, который показалъ себя истиннымъ философомъ. Услышавъ, что римляне только и говорятъ, что о театрѣ и цирковыхъ ристалищахъ, онъ серьезно замѣтилъ: «Кажется, что у римлянъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, и они вынуждены пекать себя развлеченій внѣ своихъ домовъ». И великій святитель также въ свою очередь совѣтовалъ своимъ слушателямъ пекать мирныхъ и пріятныхъ развлеченій у своего домашняго очага. «Поистиннѣ, что можетъ быть пріятнѣе дѣтей? Что можетъ быть сладостнѣе цѣломудренной жены для цѣломудреннаго мужа»? Кроме того онъ совѣтовалъ присоединять къ этимъ радостямъ и удовольствія дружбы, которую онъ часто восхвалялъ въ самыхъ теплыхъ и признательныхъ словахъ. Неизсякаемый источникъ радостей представляютъ также и красоты природы, которую онъ, какъ можно судить по немногимъ встрѣчающимся у него замѣчаніямъ, любилъ отъ всей полноты своего глубокочувствующаго сердца. «Если ты хочешь успокоить свой духъ, говорилъ онъ, иди въ садъ, прогуляйся по берегу рѣчки или пруда. Иди на то мѣсто, откуда открывается прекрасный видъ, слушай пѣніе птицъ, или, чтобы найти еще болѣе благочестивое развлеченіе, иди на гробы мучениковъ». Очевидно для чувства великаго христиа-

¹⁾ См. Бесѣду XXXVII на ев. Маттея.

нина весь міръ, какъ созданіе Божіе, можетъ быть источникомъ истиннаго успокоенія и наслажденія, и онъ одинаково находилъ себѣ глубокое удовлетвореніе—слушалъ ли онъ веселое щебетанье птицъ, или размышлялъ надъ гробами мучениковъ, которые для его духа не были мертвыми, а жили въ неизреченной славѣ, составляющей цѣль жизни и всѣхъ людей.

Но зло проникло уже такъ глубоко въ натуру тогдашняго общества, что трудно было предполагать, чтобы и пламенные рѣчи Златоуста въ состояніи были выжечь эту язву и всецѣло излѣчить ее. Что можно было сдѣлать съ такимъ городомъ, какъ Антиохія, населеніе которой только и жило, что театральными зрѣлищами и цирковыми ристалищами, такъ что, какъ рассказываютъ, самое нашествіе пареня застало антиохійцевъ на ступеняхъ театра? Антиохія очевидно стремилась къ полному вырожденію и разрушенію. Не болѣе исправимъ былъ и Константинополь, въ которомъ самыя богатства располагали къ пышности и разгулу, и дѣйствительно театральная жизнь въ немъ развивалась все болѣе и болѣе, пока партія цирка не сдѣлалась рѣшителями судьбы самой столицы и имперіи, такъ какъ актрисы восходили даже на императорскій престолъ. Но если великому святителю и не удалось всецѣло побороть зло, съ которымъ онъ такъ неустанно боролся и въ Антиохіи и въ Константинополѣ, то всетаки его трудъ не остался безплоднымъ. Онъ сдѣлалъ великія завоеванія въ душѣ отдѣльныхъ и притомъ немалочисленныхъ лицъ, которые навсегда отрекались отъ прежнихъ увлеченій, и въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ оставилъ и на всѣ послѣдующія времена неизсякаемый источникъ назиданія для всѣхъ гдѣхъ, кто способенъ воспринимать совѣты просвѣщеннаго разума. И можно быть увѣреннымъ, что, читая его творенія, тысячи и тысячи вдумчивыхъ людей находили въ нихъ сильное оружіе для борьбы съ своими страстями и увлеченіями и научались понимать, что театральныя зрѣлища, къ которымъ всегда такъ склонна чувственная человѣческая натура, есть жалкая поддѣлка подъ истинную жизнь и ими увлекаются только тѣ, кто въ своей духовной пустотѣ уже потеряли смыслъ истинной жизни и ищутъ себѣ замѣны ея въ вымыслахъ воображенія.

А. Равнъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**